

ЭТОС ПЕТЕРБУРГА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Работа представлена кафедрой эстетики и этики факультета философии человека.

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. В. Чечулин

Статья посвящена исследованию актуальной для современного общества проблемы влияния глобализации на нравственные основы традиционной культуры. На примере Петербурга, как города уникальной культурной среды, рассматривается становление и существование особого явления – категории ethos, представляющую собой духовно-нравственную основу петербургского социума.

The article is devoted to the relevant problem of globalisation's influence on moral bases of the traditional culture. The author researches establishing and existence of a special phenomenon – category of the ethos – by the example of St. Petersburg, the city of unique culture, where ethos is considered as a moral basis of society.

Ученые и мыслители разных стран, представители различных наук и общественные деятели довольно регулярно обращаются к так называемому феномену глобализации, исследуя определенные модусы этого явления, его влияние на повседневную жизнь – от материально-бытовых до духовно-нравственных проявлений. И если в числе основных аргументов приверженцев глобализации – идеи открытого информационного общества, необходимости технического прогресса, доступности и свободного распространения новых идей и знаний и т. д., то главные доводы противников этого феномена сводятся к опасностям, которые представляют глобализационные процессы для традиционных, самобытных культур. Кроме того, унификация – как неизбежное следствие бурного роста в информационной сфере, а также распространение пропагандируемых массовой культурой стандартов и образцов жизни ведут к стиранию специфических черт народов, уничтожению выработанных культурой норм, традиций, расшатыванию и разрушению привычной шкалы ценностей.

В характеристиках духовного состояния современного российского общества

непременно присутствуют такие определения, как «порча нравов», «кризис нравственности», «нравственная дезориентация» (С. С. Хоружий). Речь идет о таком восприятии окружающего мира, при котором определенные этические ценности и стереотипы нравственного поведения, характерные для определенной культуры, становятся невостребованными подавляющим большинством представителей этой культуры. Вместе с тем каждый человек живет как бы в разное культурно-историческое время, в своем собственном мире, воспринимая индивидуально выстроенную ценностную систему в качестве единствено верной и совершенной. Как правило, эти системы слабо стыкуются между собой, а их обладатели становятся все более категорично настроенными к нравственным позициям друг друга.

Такие процессы, происходящие в области нравственности, напрямую затрагивают категорию ethos как одну из ключевых характеристик духовного модуса культуры. Этос представляет собой становящееся и воспроизводимое явление духовной сферы жизни определенного социума, в частности городского. Это своеобразный фундамент, нравственная основа человеческой общности.

сти, определяющая ее характер, стиль и направленность жизни.

На формирование этоса уходит значительный период времени – от годов до столетий, поэтому он является наиболее устойчивым элементом сложной социокультурной системы, призванным удерживать эту систему в относительном равновесии. Среди необходимых условий существования любого этоса следует назвать принятие большинством представителей социума тех ценностей и норм, на которых основывается этос, а также наличие так называемых личностных образцов – реальных или мифологизированных персонажей, признаваемых абсолютными моральными авторитетами для данной социокультурной общности, являющихся своеобразными выразителями этоса.

Проследить судьбу и становление этоса можно на примере Петербурга – города уникальной культурной среды, сумевшего, по мнению М. С. Кагана, произвести за свою недолгую трехсотлетнюю историю известный всей стране и без особого труда узнаваемый – по поведению, манерам, речи, стилистическим и фонетическим особенностям – некий «психологический инвариант» – «петербуржец»¹.

На основе анализа философской, публицистической, художественной литературы можно выделить ряд характерных признаков, отличающих петербургский тип личности. Среди них – спокойствие, самообладание (контроль над собой и своими эмоциями) вплоть до скрытности, замкнутости и даже полной закрытости, изначально добрый внешний посыл по отношению к другому человеку, атмосфера взаимного приятия, специфический характер речи, приближенной к литературным нормам, высокие эстетические требования как к себе, так и по отношению к окружающему пространству. Однако в основе всех этих поведенческих особенностей – более глубокие духовные характеристики, образующие этос Петербурга.

Петербургский этос включает в себя ценности эпохи Просвещения, заложенные

еще в петровское и екатерининское время, нравственные идеалы романтизма (начало XIX в.) и позитивизма (конец XIX в.), затем это явление испытывало огромное влияние культуры Серебряного века (начало XX в.), перенесло немало трудностей в советский период российской истории.

В числе ключевых ценностей этоса Петербурга необходимо выделить справедливость, толерантность, стремление к истине, почитание добра, порядочность, доминирование общих (государственных, общественных, общенародных) интересов над личными, свободу не изменять себе и человеческому в себе, стремление к единству истины, добра и красоты. Вместе с тем эти ценности далеко не всегда характеризовали конкретных людей с положительной стороны – история Петербурга знает немало примеров, описанных в собирательных образах литературных героев, когда крайнее воплощение вплоть до культа каких-либо из этих ценностей приводило к серьезным личностным и психологическим трансформациям. Крайнее выражение пренебрежения личными интересами ради служебных нужд, вплоть до собственного унижения, можно обнаружить в образе мелкого чиновника Акакия Акакиевича Башмачкина, радикальное изображение идеи нигилизма – в образах Евгения Базарова и Родиона Раскольникова и т. д. Тем не менее личностные образцы петербургского этоса, представляя собой определенные ориентиры для большинства представителей этого социума, как правило, являются положительно окрашенными персонажами.

Не ставя задачу перечислить всех выдающихся петербуржцев в истории города, многие из которых стали не только личностными образцами этоса Петербурга, но настоящими символами самой северной столицы, уместно назвать ряд имен, представляющих самые разные сферы деятельности и исторические отрезки времени. Это император Петр I и поэт А. С. Пушкин, композитор П. И. Чайковский и архитектор Н. Л. Бенуа, писатель и мыслитель

Ф. М. Достоевский и поэт А. А. Ахматова, врач-акушер Д. О. Отт и промышленник, меценат барон А. Л. Штиглиц, издатель и историк М. М. Стасюлевич и спортсмен М. М. Бобров, артист К. Ю. Лавров и поэт И. А. Бродский, скульптор М. К. Аникушин и поэтесса О. Ф. Бергольц, балерины и педагоги Н. М. Дудинская и Г. С. Уланова, композитор Д. Д. Шостакович и дирижер Е. А. Мравинский, театральный режиссер Г. А. Товстоногов и актер театра и эстрады А. И. Райкин, драматург А. М. Володин и филолог Д. С. Лихачев и многие-многие другие. Всех их объединяют те глубинные нравственные установки, а также ментальные характеристики, которые в совокупности и образуют петербургский этос.

Этос, являясь достаточно устойчивым элементом культуры, который довольно медленно реагирует на все внешние воздействия, способен благодаря этому отражать ряд пагубных влияний и на культуру в целом. До настоящего времени петербургскому этосу удавалось справляться с возложенной на него миссией, несмотря на многочисленные трудности, с которыми ему пришлось сталкиваться на протяжении всего XX в. Высылка интеллигенции 1920-х, репрессии и расстрелы в 1930-е гг., блокада и Великая отечественная война – все это существенно сократило численность населения города на Неве вообще, и людей, которых можно было считать неоспоримыми личностными образцами петербургского этоса, прежде всего. Тем не менее мощные основы, заложенные в этосе, его специфика и массовое воплощение в людях, совместно с культурной средой и метафизикой самого города помогали этосу сохраняться. И, несмотря на все преграды, появлялись все новые личностные образцы, а ценности и нормы, заложенные в этосе, разделялись существенной частью людей, идентифицирующих себя с этим городом.

Вместе с тем в последнее время ситуация стала меняться. Кризис нравственности, на который указывают многие ученые, связывающие этот кризис с «потерей иден-

тичности»² или нравственной дезориентацией, вызванной потребностью в переоценке привычных ценностей, норм и ориентиров, оказывает разрушительное воздействие на традиционные этические системы. С. С. Хоружий говорит о крахе классических этических систем, ставя само существование традиционной этики под вопрос. Вслед за немецким философом Т. В. Адорно, который заявил когда-то, что «писать после Освенцима стихи — это варварство», поставив позже вопрос, а можно ли вообще «после Освенцима жить дальше»³, С. С. Хоружий вопрошаает, «как возможно богословие и как возможен нравственный субъект после Освенцима?»⁴. Ответ на этот вопрос, сформулированный после Второй мировой войны, пока так и не найден.

Сам же духовный кризис, особенно остро ощущаемый в наши дни, имеет еще более глубокие корни. Проблема отрицания принятых в обществе этических ценностей была поднята еще Ф. Ницше, использовавшим вслед за И. А. Тургеневым термин «нигилизм». Утверждая на рубеже XIX и XX вв., что «Бог умер»⁵, немецкий мыслитель имел при этом в виду то, что старые ценности, некогда обнадеживающие человека, потеряли свое содержание, и наступило время поиска новых ценностей, в чем и состоит миссия культуры. Отрицание, по Ницше, не равнозначно разрушению, уничтожению. Отрицать – значит отказаться, оставить в прошлом, но вместе с этим начать новый поиск, а не просто уничтожить и перечеркнуть.

Немецкий мыслитель предугадал глубокий духовный кризис, связанный с переоценкой христианской картины мира и привычных ценностей, оказавший влияние на течение всего XX столетия и до сих пор так и не получивший разрешения. Вполне вероятно, что негативные процессы в духовном измерении культуры, отождествляемые с глобализацией, на самом деле имеют корень еще в тех далеких исканиях новых истин, о которых писал Ницше. И пока эти новые истины не будут найдены и при-

няты обществом, человечество будет находиться в ситуации нравственной растерянности и нигилизма, т. е. отрицания ценностей, считающихся общечеловеческими, на которых зиждется этос глобального мира, цементирующий почву для существования всех других – специфических – этосов как духовно-нравственных фундаментов различных культур.

Таким образом, процессы, разрушительные для целостного духовно-нравственного пространства, в котором определенная ценностная иерархия востребована существенной частью населения, сегодня лишь опосредованно могут быть связаны с глобализацией. В ситуации нравственной растерянности, в которой находится современное российское общество, глобализационные ценности представляют наиболее легкий, однако не значит, что правильный, выход из этого кризиса, корни которого, как уже было замечено, уходят далеко в историю. Глубинные этические идеалы, поставленные под сомнение, подменяются в глобализационном течении материальными ценностями прагматизма, а общечеловеческие ценности трактуются как необходимость унификации, т. е. приведение к единообразию различных культур.

Характеризуя глобализационную ценностную модель целесообразно применять вместо этоса другой древнегреческий термин – «патос», который древние мыслители использовали для описания неупорядоченного, беспокойного, иррационального, аффективного поведения. В проекции на нынешнее время патос как оппозиция этосу выступает разрушителем нравственных основ общества, характеризует «порчу нравов». Таким образом, следует различать этос глобального мира, объединяющий сердцевинные общечеловеческие ценности, и патос, обозначающий пагубное влияние глобализации на духовно-нравственную картину мира современного человека.

Это пагубное влияние, проявляющееся, в частности, в огромной популярности массовой культуры, в подмене кумирами шоубизнеса традиционных личностных образцов, являющихся моральными идеалами для общества, происходит и в Петербурге. Все меньше людей, связывающих себя с этим городом, разделяют духовно-нравственных воззрения, присущие традиционному петербургскому типу личности, с одной стороны, а с другой – практически не появляются новые безупречные, неоспоримые моральные идеалы – личностные образцы этоса Петербурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб.: Паритет, 2006. С. 348.

² Согомонов А. Ю. Нравственная асинхрония современного российского общества // Ведомости: homo faber: этика и этос. Вып. 21. Тюмень 2002. С. 70–83.

³ Адорно Т. В. После Освенцима // Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003, С. 323.

⁴ Хоружий С. С. О старом и новом. СПб.: Алтейя, 2000.

⁵ Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990.